

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ПРОТОИНДИЙСКИХ НАДПИСЕЙ

Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Всесоюзный Институт научной и технической информации АН СССР, Институт этнографии АН СССР. М., 1965, 74 стр. (Сборник статей) ¹.

Надписи на печатях, найденных в долине Инда, стали известны исследователям задолго до того, как были открыты города — центры так называемой протоиндийской культуры. Первые находки печатей относятся еще к началу XIX в. В 1875 г. А. Каннингхем, изучавший образцы древнеиндийской письменности брахми, опубликовал печать, найденную в 1872 г. в Хараппе, и попытался прочесть надпись, считая письмена на печати ранней формой алфавита брахми, а язык определив как один из пракритов ².

Интерес к протоиндийской письменности значительно возрос после того, как в ходе раскопок Мохенджо-Даро и Хараппы выяснилось, что она связана с совершенно особой, чрезвычайно высокой культурой, значительно расширяющей хронологические рамки индийской цивилизации и меняющей всю картину ее истории.

Проблему протоиндийской письменности пытались разрешить в 1920—1930 гг. многие ученые — историки, археологи, лингвисты. Делались самые разнообразные попытки определить систему письма, как на основании его внутренней структуры, так и по внешнему сходству с известными уже письменностями, или разгадать содержание надписей путем априорного отождествления их языка с каким-либо из известных языков.

Среди письменностей, привлекавшихся для сопоставления с протоиндийской, можно назвать шумерское иероглифическое письмо (Л. Уэдделл) ³, древнеегипетское (Ф. Петри) ⁴, письменность о-ва Пасхи (В. Хевеши) ⁵, древнеиндийское письмо брахми (Дж. Р. Хантер ⁶, Пран Натх ⁷), хеттское иероглифическое письмо (Б. Грозный) ⁸, так называемый «тантрический код» — систему графических символов, употребляющихся некоторыми индийскими сектами для обозначения культовых понятий (Иран Натх, Б. М. Баруа ⁹, С. Шанкарананда ¹⁰). Некоторые ученые находили в протоиндийском письме сходство одновременно с несколькими письменностями. Б. Грозный, например,

¹ Авторы выражают свою глубокую признательность научным сотрудникам Ин-та этнографии АН СССР Ю. В. Кнорозову и Б. Я. Волчок, ознакомившим их с некоторыми еще не опубликованными материалами.

² См. «Archaeological survey of India. Report for 1872/1873», v. 5, стр. 108, pl. 33; «Corpus Inscriptionum Indicarum», т. I, Inscriptions of Asoka, pl. 28.

³ L. A. Waddell, The Indo-Sumerian seals deciphered, London, 1925.

⁴ Fl. Petrie, Mohenjo-Daro, «Ancient Egypt», pt. 2, 1932.

⁵ G. de Hevesy, Sur une écriture océanique paraissant d'origine néolithique, «Bulletin de la Société préhistorique française», XXX, Paris, 1933.

⁶ G. R. Hunter, Script of Harappa and Mohenjo-Daro, London, 1934.

⁷ D. Pran Nath, The script of Indus valley, «Journal of the Royal Asiatic society», pt. I, London, 1931; егo же, The script of Indus valley seals, «India Historical Quarterly», v. VIII, Calcutta, 1931; егo же, The decipherment of the inscriptions of Harappa and Mohenjo-Daro. The discovery of bilingual inscriptions, Benares, 1946.

⁸ B. Hрозный, Inschriften und Kultur der Proto-Indus von Mohenjo-Daro und Harappa, «Archiv Orientalni», т. XII, 1941; т. XIII, 1942, стр. 1—102.

⁹ B. M. Barua, The Indus script and the Tantric code, «Indo-Iranica», т. I, Calcutta, 1946.

¹⁰ S. Sankarananda, The Rigvedic culture of the prehistoric Indus, Calcutta, 1943—1944.

помимо хеттского иероглифического письма, использовал для чтения отдельных знаков египетские и шумерские иероглифы, критское письмо «А», финикийский алфавит, сабейское письмо и др. Аналогичский характер носят сопоставления, сделанные Хантером.

Столь же далеки один от другого и языки, принимающиеся в качестве основы для чтения надписей. Б. Грозный считал язык обитателей долины Инда индоевропейским, близким к хеттскому; Г. Д. Гэдд и С. Лэнгдон¹¹ определяли его как некую раннюю форму санскрита; той же точки зрения придерживались индийские ученые «тантрической школы». С другой стороны, акад. В. В. Струве¹² считал, что собственные имена на печатах являются хурритскими. Испанский исследователь Э. Эрас в своих многочисленных работах¹³, посвященных протоиндийской письменности, доказывал, что население долины Инда было дравидийским, и на этом основании «читал» надписи на языке, близком к литературному тамильскому.

Не было единства среди исследователей и в вопросе о характере письма. Некоторые (Ф. Петри, Э. Эрас, П. Мернджи¹⁴) считали протоиндийское письмо чисто идеографическим, допуская в отдельных случаях наличие некоторых детерминативов и грамматических показателей; другие (Б. Грозный) склонялись к мнению о том, что оно имеет смешанный, иероглифический характер; наконец, третьи (Дж. Р. Хантер, Пран Натх, Б. М. Баруа) рассматривали его как чисто силлабическое.

Первые шаги в области систематизации данных самой протоиндийской письменности — каталогизация знаков, выявление аллографов, общее определение направления письма — были сделаны в начале 1930-х гг. С. Смитом, С. Лэнгдоном и Г. Д. Гэддом, сотрудниками Дж. Маршалла, руководившего раскопками в Мохенджо-Даро и Хараппе. В дальнейшем их работа была продолжена Дж. Р. Хантером.

Однако ни одна из попыток дешифровки протоиндийского письма не дала сколько-нибудь ошутимых положительных результатов. Исследование протоиндийского письма затруднялось прежде всего рядом объективных факторов — отсутствием какой бы то ни было билингвы, малым объемом текстов (как правило, не более 10 знаков) и специфическим характером надписей (по-видимому, культовые формулы, товарная номенклатура и т. п.), а также недостаточностью данных об этническом составе населения Мохенджо-Даро и Хараппы и, следовательно, о характере языка надписей. С другой стороны, сама методика дешифровки в то время оказывалась бессильной при решении подобной задачи. Отсюда столь характерное для исследователей протоиндийского письма «чтение» отдельных надписей в отрыве от анализа структуры письма в целом, случайное сопоставление отдельных знаков со знаками известных письменностей, случайный выбор предполагаемого языка.

Энтузиазм, с которым исследователи 20—30-х гг. взялись за дешифровку письменности Мохенджо-Даро, в 40—50-е годы резко ослабевает. В последнее время отношение большинства ученых к этой проблеме определялось, пожалуй, точнее всего скептическими словами И. Фридриха: «Для каждой дешифровки нужны опорные точки. При их отсутствии ничего не расшифруешь. Там, где нет ни одной опорной точки, как в письменах Мохенджо-Даро или острова Пасхи, надеяться на успех может только фантаст или дилетант»¹⁵.

Новый подход к дешифровке протоиндийского письма стал возможным лишь с появлением точных методов изучения языка. Первым и весьма важным шагом на этом пути является сборник статей «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», недавно опубликованный группой ленинградских и московских ученых, сотрудников ВИНТИ АН СССР и ИЭ АН СССР, работавших под руководством Ю. В. Кнорозова.

Первый этап работы включал в себя всесторонний палеографический анализ протоиндийских надписей.

Статья Г. В. Алексеева, освещающая эту стадию исследования, вносит много нового в характеристику протоиндийского письма. От предшествующих трудов работа Г. В. Алексеева отличается тем, что в ней надписи впервые подвергнуты анализу, отвечающему требованиям научной палеографии. Уточнение списка знаков, установление аллографов, определение направления письма, пополнение каталога новыми

¹¹ J. Marshall, Mohenjo-Daro and the Indus civilisation, т. II, London, 1931.

¹² В. В. Струве, Дешифровка протоиндийских письмен, «Вестник АН СССР», 1947, № 8, стр. 51—58; его же, Протоиндийские надписи, «Индийский сборник», М., 1948, стр. 113, сл.

¹³ См. например, Н. Негас, Mohenjo-Daro, the people and the land, «Indian Culture», v. III, № 4, 1937; его же, Two Proto-Indian inscriptions from Chanhu-Daro, «Journal of the Behar and Orissa Research Society», т. XXII, 1936; его же, Tree worship in Mohenjo-Daro, «The Anthropological Society of Bombay», юбил. том (1937), Bombay, 1938; его же, Studies in Proto-Indo-Mediterranean culture, Bombay, 1953.

¹⁴ P. von Meriggi, Zum Indus Schrift, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 12(87), Leipzig, 1934, стр. 198, сл.

¹⁵ J. Friedrich, Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift, Stuttgart, 1939, стр. 4.

знаками, либо отсутствовавшими в предшествующих списках, либо ошибочно причислявшимися к графическим вариантам, осуществлено не на основании каких-либо априорных суждений и чисто субъективных впечатлений, а путем строгого и внимательного наблюдения над степенью каллиграфической завершенности отдельных знаков, над расположением строки и знаков в строке. В итоге палеографическая характеристика протоиндийского письма получает небывалую прежде доказательность и законченность.

Уточненный и пополненный список знаков и окончательное выяснение направления письма в каждом конкретном случае дали возможность надлежащим образом подготовить тексты к машинной обработке. Математический аппарат и общий ход статистического анализа показаны в статьях М. А. Пробста и А. М. Кондратова.

Для определения системы письма была исследована зависимость между длиной текста (общим числом знаков) и количеством различных знаков, встречающихся на отрезке данной длины. После обработки ряда текстов, представляющих разные системы письма, были получены данные, свидетельствующие о морфемном (иероглифическом) характере протоиндийской письменности.

После того как характер письма был таким образом точно установлен, протоиндийские тексты были сопоставлены с египетскими иероглифическими текстами. При этом А. М. Кондратов исходил из того, что абсолютная частота знаков определенным образом соответствует референтам в языке, что наиболее распространенным сочетанием знаков (полиграммам) большей частью соответствуют определенные языковые единицы (морфемы и сочетания морфем, словосочетания и предложения). Полученные количественные характеристики подтвердили универсальность статистических закономерностей, определяющих характер отражения языка письмом одинакового типа. Их анализ дал возможность разделить протоиндийский текст на блоки и среди знаков выделить три класса — устойчивые, переменные, полупеременные, отличающиеся друг от друга частотностью и дистрибуцией. Позиционно-статистические данные, характеризующие каждый из перечисленных классов, позволили составить общее представление о грамматической структуре языка протоиндийских текстов.

Как и все прочие опыты применения точных методов и вычислительной техники к изучению недешифрованных письменностей, исследование письменности долины Инда заменило чисто эмпирические гипотезы относительно характера письма и языка научным обоснованными данными. Обращение к этим методам позволило ученым найти путь к выходу из начерченного И. Фридрихом заколдованного круга.

Лингвистическая интерпретация результатов статистического анализа, данная в статье Ю. В. Кнорозова, отличается четкостью и убедительностью.

Не вызывает возражения отождествление переменных знаков с грамматическими аффиксами, полупеременных первой группы — с зависимым компонентом атрибутивной синтагмы и полупеременных второй группы — со словообразующими суффиксами.

Столь же убедительным кажется предложенное в статье решение вопроса о родстве протоиндийского языка с той или иной языковой семьей. Данные о структуре этого языка были последовательно наложены на структуры тех языков, наличие которых в долине Инда в период существования харапской культуры по тем или иным причинам представлялось возможным (индоевропейские языки — хеттский, санскрит; языки шумерский, хурритский, эламский, дравидийские языки, языки мунда). Проведенный с необходимой точностью сопоставительный анализ позволил прийти к исключительно важному для культурной и лингвистической истории Индии выводу, что язык надписей Мохенджо-Даро и Харалпы близок по своему грамматическому строю к языкам дравидийской семьи.

Гипотеза о дравидийском этносе северо-западной Индии (и в том числе городов долины Инда) вошла в научный обиход довольно давно. В защиту ее приводилось множество самых разнообразных аргументов — историко-культурных, этнографических, лингвистических¹⁶. Теперь эта гипотеза получает новое, весьма солидное подтверждение с помощью позиционной статистики.

Отмеченные в статьях Ю. В. Кнорозова и И. К. Федоровой¹⁷ морфосинтаксические параллели охватывают самые существенные и наиболее специфические черты грамма-

¹⁶ Следует напомнить, что в последнее время дравидийские заимствования были обнаружены в наиболее ранних памятниках древнеиндийского языка, в частности, в Ригведе (X, 10, 145). См. М. R. E m e n e a u, Linguistic prehistory of India, «Proceedings of the American Philological Society», v. 98, № 4, 1954, стр. 286—287; T. B u r g o w, Sanskrit and the Pre-Aryan tribes and languages, «Bulletin of the Ramakrishna Mission Institute of Culture», Feb., 1958.

¹⁷ К сожалению, собранный в статье И. К. Федоровой дравидийский материал не свободен от ошибок. Ошибочно, в частности, определение языковой принадлежности приводимых примеров: фразы, названные в статье тамильскими или телугу, на деле таковыми не являются. И. К. Федорова опирается в данном случае на совершенно произвольное членение дравидийских языков на диалекты, принятое Ст. Коновым («Linguistic Survey of India», т. IV; «Munda and Dravidian languages», Calcutta, 1906).

тического строя дравидийских языков (препозиция определения в синтагме, инициальное положение корневой морфемы в словоформе, структурное тождество словоформы и атрибутивного словосочетания и т. д.¹⁸) и полностью подтверждают мнение автора о типологической близости «харашпского» языка к языкам дравидийским. О том же свидетельствуют и некоторые дополнительные данные — как приведенные в рассматриваемом сборнике, так и содержащиеся в самом протоиндийском материале.

Полупеременные знаки первой группы, интерпретируемые как определения к последующим, устойчивым знакам, сочетаются с ними, не присоединяя при этом переменных знаков второй группы — грамматических показателей. Это означает, что определения (прилагательные), судя по всему, не согласуются с определяемым словом. Для большинства дравидийских языков характерно наличие неизменяемых прилагательных¹⁹. Терминация прилагательных в брахуи и некоторых языках центральной дравидийской группы объясняется, по всей вероятности, взаимодействием с индоарийскими языками.

Сочетание в одном блоке знаков с предположительно одинаковым значением, а также повторы некоторых переменных (также, как указанное в статье А. М. Кодратова сочетание 66—66) следует, как нам кажется, сопоставить с весьма распространенными в дравидийских языках плеонастическими комбинациями некоторых аффиксов (числа, рода, косвенного падежа и т. п.). Можно указать для примера плеонастическое употребление аффиксов множественного числа в старом каннада: (puruṣa-g-ir, puruṣa-g-ka! «люди, мужи»; paṇḍita-g-ka! «пандиты, ученые», dēvi-ga! «богини», tande-d-ir-ka!, tande-v-ir-ka! «отцы»), а также на изредка встречающиеся в этом же языке повторы этих показателей (muvaṇ-d-ir-ir «трое (людей)», ma-k-ka! ga! «дети») ²⁰.

В дравидийских языках количественные определители (числительные, собирательные местоимения), в отличие от качественных определителей, образуют с именем не только атрибутивные, но и аппозитивные сочетания²¹. Это явление наблюдается в большинстве дравидийских языков и должно быть отнесено к числу наиболее характерных явлений дравидийского синтаксиса. (Ср. там. eṭṭu-p-piṟamaṇḍa-g-ka! «восемь брахманов» — piṟamaṇḍa-g-ka! eṭṭ-d-ṭeṅ «восемь человек брахманов» (досл.: «брахманы восемь человек»); miṇṇo marattil — marattuṇṇil «в трех деревьях»; мал. āarivaṅga «тысяча женщин» — vaṅga ṭiṅṅa «сто лет»; тел. oka dēṣaṇi — dēṣaṇokaḍe «одна страна»; кун. kuni kōḍi-koḍinga tinṭa «три коровы»; кур. oṇḍ gōhola aḍḍo «одна упряжка быков» — gōhola eṇḍ aḍḍo «две упряжки быков», «быки две упряжки») ²². В протоиндийских надписях цифровые знаки, как правило, помещаются перед сочетающимися с ними устойчивыми знаками 96, 97, 175 и др.; в ряде случаев, однако, цифровые показатели следуют за «определяемым словом» (ср. по каталогу Лэнгдона подписи М 3, 82, 120, 179, 325, 347, 387, 402, 422, X 89 с надписями М 29, 108, 129, 303, 414, 539, X 150, 154, 254, 271; также по каталогу Хантера надписи X 19, 93, 100, 106, 114, 121, 143, 156 с надписями X 1, 2, 9, 10, 11, 17, 20, 26,

¹⁸ J. Bloch, The grammatical structure of Dravidian languages, Poona, 1954, стр. 1—2, 12—21, 99—109; F. B. J. Kuiper, Note on Dravidian morphology, «Acta Orientalia», Leiden, 1948; А. М. Мерварт, Грамматика тамильского разговорного языка. JL, 1929, стр. 221—228. Ср. также: Т. Р. Меенакшисундарап, A history of Tamil language, Poona, 1965, стр. 21—22, 27—35; М. С. Андронов, Дравидийские языки, М., 1965.

¹⁹ R. Caldwell, A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages, London, 1856, стр. 251—259; J. Bloch, Указ. раб., стр. 106—109.

²⁰ F. Kittel, A grammar of the Kannada language, Mangalore, 1903, стр. 49, 51—53. Ср. также тамильские «комбинированные» суффиксы множественного числа (-a)ka!, māka! (ācīriya-g-ka! «учителя», takappaṇ-mā-g-ka! «отцы»). См. об этом: J. Bloch, Указ. раб., стр. 9—10.

²¹ Аппозитивные сочетания числительных с существительными в дравидийских языках вкратце охарактеризованы Ж. Блоком: J. Bloch, The grammatical structure, стр. 103—105.

²² См. Н. Beythān, Praktische Grammatik der Tamilsprache, Leipzig, 1943, стр. 141—142; А. S. Sekhar, Evolution of Malayalam, Poona, 1963, стр. 101; F. Kittel, A grammar of the Kannada language, стр. 255; W. W. Winfield, A grammar of the Kūi language, Calcutta, 1924, анр. 37; Fr. Hahn, Kurukh grammar, Calcutta, 1900, стр. 67. В грамматиках брахуи упоминается лишь о препозитивном присоединении числительных к определяемому, однако проводимые Д. Бреем примеры — da iragh ṇṇṇā charaṇā e «этот хлеб принадлежит вам четверым» (досл. «вас четырех»), haṇṇē biṅṅangāk bassuno batano? «те 20 человек (досл. «они двадцатеро») пришли или нет?» — указывают на то, что постпозиция количественных определений в ряде случаев возможна и в этом языке. См. Sir Denys B. G. A., The Brahui language, r. I, Calcutta 1909, стр. 71—72.

27, 31, 32, 36, 37, 43, 47, 49, 50—52, 54, 60, 66, 67, 73, 75, 79—83, 91, 94, 117, 152, 155—157, 160)²³. Вариативная позиция цифр в составе блока лишней раз подтверждает, на наш взгляд, существенную близость структуры «харапского» языка к дравидийскому типу.

Проблема дешифровки протоиндийской письменности приобретает таким образом исключительное значение не только для дравидийского, но и для общего языкознания. По данным, которыми располагает в настоящее время сравнительная дравидология, период существования харапской цивилизации (IV—II тысячелетия до н. э.) хронологически совпадает с периодом, предшествовавшим распаду дравидийской языковой общности, или же — с периодом вычленения из дравидийского праязыка диалекта северной группы²⁴. Если надписи, найденные в городах долины Инда, будут когда-либо прочтены, высказывавшиеся до сих пор предположения о характере фонологического состава и грамматического строя протодравидийского языка смогут быть проверены на конкретных фактах. Естественно и очевидно, что язык обитателей Мохенджо-Даро и Харалпы от протодравидийского языка в нашем понимании этого слова должен отличаться так же сильно, как отличался бы, скажем, вновь открытый латинский язык от гипотетически реконструированного праязыка романской семьи.

Основываясь на данных позиционно-статистического анализа, учитывая одновременно предполагаемое содержание текстов, Ю. В. Кнорозов сопоставляет некоторые (переменные) знаки протоиндийского письма с морфемами дравидийского именного склонения. Знак 87, являющийся, по мнению Ю. В. Кнорозова²⁵, стилизованным изображением дерева ашваттха (*Ficus religiosa* L.), отождествляется таким образом с морфемой падежа, -t-²⁶. Предложенная идентификация заслуживает, как нам кажется, самого пристального внимания лингвистов-дравидологов. Позиционно-статистические данные знака 87 (финальная позиция в блоке, исключительная частотность, широкая сочетаемость как с переменными, так и с устойчивыми знаками) в основном соответствуют морфосинтаксической характеристике дравидийского косвенно-атрибутивного падежа. Частое появление этого знака в конце надписи можно объяснить особыми случаями инверсии или эллипсиса, специфически обусловленными содержанием текста²⁷. Возможно, впрочем, и другое объяснение: как известно, в литературном тамильском языке один из аффиксов атрибутивного падежа -atu омонимичен показателю среднего рода, присоединяемому к различным формам именного и глагольного предиката. Можно предположить, что и в данном случае имеет место аналогичное совпадение. Следует отметить, что аффикс -atu зарегистрирован в качестве морфемы косвенно-атрибутивного падежа в самом раннем из известных нам письменных памятников дравидов — грамматике тамильского языка «Толькаппиям» (II—IV вв. н. э.)²⁸.

Предложенная Ю. В. Кнорозовым идентификация знака 87 не только является, с нашей точки зрения, вполне приемлемой, но и дает возможности произвести некоторые дополнительные сопоставления. Можно, в частности (разумеется, в самом предварительном порядке), сопоставить знак 182 (фигура мужчины), который в каталоге Лэнгдона встречается 16 раз, из них 10 раз в конце надписи и 9 раз после знака 87, а в каталоге Хантера отмечен 28 раз, в том числе 13 раз в финале и столько же — в сочетании со знаком 87²⁹, с протодравидийским *ai/āḍ «мужчина, человек» (ср. там ai «мужчина, человек, слуга»; āḍ, āḍaḍ «существо мужского пола»; too-t «человек (из

²³ J. Marshall, Указ. раб., т. II, стр. 110—117; G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 162—163, табл. XXXVI.

²⁴ K. Zvebil, Comparative study of the Dravidian family of languages, «Archiv Orientalni», 3, 1965, стр. 375; ср. также М. С. Андронов, Лексикостатистический анализ и факты истории о хронологии распада протодравидийского языка, сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964, стр. 62—79.

²⁵ Позиционная характеристика знака 87, ясно указывающая на его служебную функцию, заставляла и прежде некоторых исследователей выделять этот знак в качестве формального показателя. (См. G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 55—58; P. von Meriggi, Zum Indus Schrift, стр. 215—218). Идеографически этот знак трактовался, однако, чаще всего как «сосуд с ручками» (G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 210; ср. также A. H. Dani, Indian Paleography, Oxford, 1963, упр. 1, a, 1, в).

²⁶ Сводку данных о распространении морфемы *t- в современных дравидийских языках см.: Bh. Kishnāmurti, Telugu verbal bases, Berkeley, 1961, стр. 259; ср. также, J. Bloch, Указ. раб., стр. 14—17.

²⁷ Следует учитывать при этом, что в дравидийских языках (в частности, в старом тамильском) часто встречаются случаи эллипсиса падежной морфемы, присоединенной к косвенно-атрибутивным аффиксам *-t- (там. -(t)attu). См. например, P. S. Subramanya Sastri, Historical Tamil reader, Annamalai, 1943, стр. 12, 13, 16, 17.

²⁸ См. T. R. Meenakshisundaran, Указ. раб., стр. 100, где отмечены случаи присоединения падежных аффиксов к морфеме -atu. Ср. также R. Caldwell, Указ. раб., стр. 232—233.

²⁹ J. Marshall, Указ. раб., т. II, стр. 438.

племени тогда); кан. āp, āl «мужчина, человек»; ту. āpuḍi «мужчина»; код. а. ṇi, а. ḍa. ḍi «мужчина, человек»; кур. āl «мужчина, муж, возлюбленный»³⁰. Еще Р. Колдуэлл высказал в свое время предположение о том, что слово *āp генетически связано с распространённым в дравидийских языках показателем мужского рода (там. -āp, -aṇ)³¹. Не стараясь выяснять здесь, насколько справедливо в целом это утверждение Колдуэлла (на наш взгляд, оно косвенно подтверждается наличием в тамильском языке таких слов, как piṅāḍ «господин, владыка, бог», piṅāṭṭi «госпожа, богиня» — из регу «большой великий» и āp «мужчина», āṭṭi «женщина»), и оставляя в стороне вопрос о характере и причинах чередования *-ṇ//*-ḍ в данном конкретном случае³², мы в то же время можем предположить, что в протоиндийской письменности знак 182 использовался для омофонического изображения аффикса мужского рода. Показателем мужского рода в дравидийских языках снабжены, как правило, имена собственные, названия жителей определенной местности, названия лиц по профессии, по принадлежности к тому или иному клану, касте и т. п., т. е. как раз та группа лексики, наличие которой в протоиндийских надписях представляется весьма вероятным. В этих именах родоые показатели часто присоединяются к форме косвенно-атрибутивного падежа³³. Следует особо подчеркнуть, что речь идет пока еще не о каком-либо конкретном отождествлении протоиндийского знака с определенным фонетическим комплексом, а лишь об указании на некое морфосемантическое соответствие, на еще одну возможную аналогию между языком надписей долины Инда и дравидийскими языками³⁴.

Более спорным представляется, на наш взгляд, предложенное Ю. В. Кнорозовым объяснение знака 124 как аффикса местного падежа, идентичного со старотамильским -kaḍ. Позиция, занимаемая этим знаком в надписях, близко совпадает с позицией знака 87. В то же время совпадения в окружении этих знаков крайне редки: большей частью устойчивые и переменные, сочетающиеся со знаком 87, не сочетаются со знаком 124 и наоборот. Не следует ли в этом случае согласиться с мнением Дж. Р. Хантера³⁵ и рассматривать знаки 124 и 87 как алломорфы? (Знак 124 можно было бы сопоставить, например, с дравидийской морфемой косвенного падежа *-i.)

Весьма интересными и перспективными в отношении дальнейшего исследования представляются предположения авторов сборника по поводу лексического состава протоиндийских надписей. Им удалось, например, разгадать идеографический смысл знака 96 (ранее рассматривавшегося как изображение дерева) и определить его значение как исходной единицы измерения жидкостей (санскр. praśṛīti «пригоршня»). Столь же убедительна интерпретация устойчивых сочетаний 15—183 («Великая Богиня»), 15—175 («Великая Рыба»), VI—175 («Плеяды»).

Привлечение дополнительного дравидийского и общеиндийского культурно-исторического материала позволит, по нашему мнению, существенно расширить круг «опознанных» полиграмм и отдельных знаков. В частности, диаграмму VII-175 (X.36) возможно было бы интерпретировать по аналогии с тамильским elu-mṭṭa («Семь рыб (звезд), Большая Медведица»). Заманчивым кажется также сопоставление триграммы XII-233—233 с санскритским dvādaśādityāḥ «двенадцать солнц, двенадцать месяцев (года)».

Последняя статья сборника освещает некоторые результаты исследования изображений на объектах с протоиндийскими надписями.

Интерпретация хотя бы некоторых изображений, по справедливому мнению авторов сборника, должна способствовать нахождению реальных лексических эквивалентов для тех последователей знаков, которые соответствуют «корневым морфемам» надписей, и в дальнейшем может послужить ключом к прочтению текстов.

³⁰ T. Burrow, M. B. Emeneau, A. Dravidian etymological dictionary, Oxford, 1916, 342-a.

³¹ R. Caldwell, Указ. раб., стр. 178.

³² О чередовании ретрофлексных и альвеолярных (зубных) согласных см. Bh. Krishnamurti, Telugu verbal bases, стр. 37—38, 40—41.

³³ R. Caldwell, Указ. раб., стр. 175. Ср. имена вроде nikāmā-t-or, nikāā-t-ar «горожане; купцы», отмеченные в тамильских надписях на брахми III в. до н. э. (K. Zvelebil, The Brahmi Hybrid Tamil inscriptions, «Archiv Orientalni», v. 32, 1964, стр. 569—576).

³⁴ Для знака 182 (условно отождествленного с протоиндийским *āp) можно найти и еще одно морфологическое соответствие — аффикс *-āp со значением местного (или инструментально-отложительного) падежа. В старотамильском языке этот аффикс образует наречия места, например, iṇaḍ «здесь» (см. Т. Р. Meenakshisundaran, Указ раб., стр. 102; P. S. Subramasya Sastri, Historical Tamil reader, стр. 18), а также, по мнению Ж. Блока (J. Bloch, Указ. раб., стр. 21), входит в состав показателя местного падежа -kaḍ (из *-ka-aiṇ). Некоторые показатели инструментального и отложительного падежей в современных дравидийских языках, возможно, генетически связаны с этим суффиксом: инстр.— старотам., āp; ?to, -end; клм.-(п)āḍ, брах.-āḍ отложит.— пдж. -ar; ?kuṇ-ṭai; гонди.-āi; брах.-āṇ.

³⁵ G. R. Hunter, Указ. раб., стр. 56—57, 116—117.

Так как дравидийские письменные памятники отсутствуют вплоть до начала нашей эры, пока приходится обращаться не только и даже не столько к данным дравидийских языков, сколько к санскритским источникам.

Из отраженного в санскритских памятниках общендийского культурного наследия автор статьи Б. Я. Волчок пытается выделить те бытовые реалии и мифологические представления, которые не были принесены извне индоарийскими племенами и могли соответствовать протондийским изображениям, выявляя в санскрите древние дравидийские заимствования и кальки.

Естественно, что при таком подходе работа Б. Я. Волчок выходит за рамки только вспомогательных рассуждений и приобретает самостоятельную ценность культурно-исторического исследования.

Отождествление отдельных человеческих фигур с персонажами индийской мифологии проводилось во многих работах, посвященных материальной культуре древней Индии (в частности, в труде Э. Маккея³⁶; из сравнительно недавних можно назвать книгу Д. Гордона³⁷). Однако следует отметить, что определение изображений фактически не продвинулось вперед за последние 20—25 лет, что объясняется отсутствием такого стимула, как этническая соотнесенность изучаемого материала.

В свете новых данных сборника получают убедительное подтверждение толкования известных мужских и женских фигур как изображений главных божеств индийского пантеона — богини-матери (санскр. Дурга, Деви и т. д.) и ее супруга (Шива, Шанкара и т. д.). Здесь весьма уместен собранный Б. Я. Волчок из различных специальных исследований богатый материал, связанный с древними мифами, а также современными народными мифологическими представлениями и культами («мировое дерево» ашваттха, убийство буйвола, культ змей, обряд надевания браслетов и т. п.). Очень интересно наблюдение автора над стилизацией изображений дерева ашваттха, позволившее ей обнаружить первоначальный символический смысл «арки», обрамляющей пляшущего Шиву в традиционных южноиндийских скульптурах.

Предположение Б. Я. Волчок о связи изображенных на печатях животных со странами света представляется вполне вероятным. Боги — хранители стран света (первоначально зооморфные) — чрезвычайно существенный элемент древнеиндийской модели мира. Идея этих хранителей полностью отсутствует в Ригведе, что с очевидностью свидетельствует о неиндоевропейском ее происхождении. Интересно, что представление о «заведующих» странами света существовало в древнем Вавилоне³⁸.

Обращает на себя внимание догадка Б. Я. Волчок о причине, по которой в дошедшей до нас индийской традиции отсутствует носорог как вахана («возящий» или «судие») того или иного божества. Автор считает, что в санскрите «носорог» заменен «мужчиной» в результате частичного калькирования дравидийского слова, имевшего оба эти значения. Конечно, в данном конкретном случае нельзя с полной уверенностью присоединиться к мнению автора, однако сам путь рассуждений кажется интересным и плодотворным.

Вопрос о реальном прообразе семи (или шести) богинь, сопровождающих главное женское божество, важен как для перспектив чтения текстов, так и с этнографической точки зрения. Б. Я. Волчок делает вывод, что это — семь сестер богини-матери (в различных частях Индии — богини плодородия, воды, охоты, эпидемических болезней и т. п.). Сходные предположения делались и раньше (например, Маккей упоминает в этой связи бенгальскую богиню — демона оспы Шиталу-Деви и ее семь сестер), однако не в таком широком контексте, как в данной статье. Заслужой Б. Я. Волчок является также привлечение к толкованию этого сюжета мотива о семи матерях (сестрах, женах) Шивы. Можно было бы напомнить в этой связи о «матерях» бога войны, одного из любимых южноиндийских божеств (санскр. Сканды, Картиккеей). Эти, по санскритскому варианту мифа, «приемные матери» олицетворяли созвездие Плеяды. В древней и средневековой тамильской литературе (прежде всего — в памятниках религиозно-мифологического содержания) один из самых распространенных эпитетов Сканды (Муругана) — «сын (возлюбленный?) шести звезд» (aiu-mṭu-kātalai).

Однако каков бы ни был первоначальный источник этой семерки. — Большая Медведица, в районе которой проходит «мировая ось», число дней недели или что-либо другое, — представляется маловероятной связью ее с реками Панджаба. Семерка рек упоминается не только в ведической литературе, но и в Авесте (V.1.18), что позволяет считать ее воспоминанием о древнем общем местобитании индоиранских племен (скорее всего, бассейна Аму-Дарья). В дальнейшем, по мере продвижения ариев на восток и ознакомления с важнейшими реками Индии, семерка охватывала и некоторые реки Панджаба, и Ганг с его притоками, и даже главные реки Южной Индии³⁹.

³⁶ Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, М., 1951, стр. 67—75.

³⁷ D. H. Gordon, The pre-historical background of Indian culture, Bombay, 1960 (см. например, стр. 68, сл.).

³⁸ W. Kirfel, Die Kosmographie der Inder, Bonn, Leipzig, 1920, стр. 34*.

³⁹ J. Dawson, A classical dictionary of hindu mythology and religion, geography, history and literature, London, 1879, стр. 81.

Трудно сказать сейчас, какой из возможных аспектов дальнейших исследований может оказаться наиболее перспективным. Судя по всему, работа по изучению протоиндийского письма должна вестись комплексно, одновременно в нескольких направлениях. Хочется привлечь внимание авторов к одному из этих направлений. Оно может как нам кажется, сыграть определенную роль в разрешении поставленной задачи. Мы имеем в виду более углубленное изучение вопроса о соотношении протоиндийского письма с различными видами письменностей и пиктографических систем существовавших в Индии после арийского завоевания, в частности — с алфавитом брахми. Если утверждение о том, что письмо брахми непосредственно восходит к письменности Мохенджо-Даро и Хараппы, представляется сейчас весьма сомнительным по целому ряду причин, то априорное отрицание какой бы то ни было взаимосвязи между этими двумя видами письма кажется по меньшей мере нецелесообразным. Особенно интересным, с нашей точки зрения, является вопрос о происхождении цифр брахми. Некоторые из них (цифры 10, 50, 90, 100)⁴⁰ близко напоминают знаки протоиндийского письма. Наиболее схожи протоиндийский знак 60 и знак брахми для числа 10 (ср., например, написание знака 60 в надписи М 420). Отметим, что знак 379 часто комбинируется с цифрами I, ???, IV и т. д. Совпадение цифровых знаков протоиндийского письма и алфавита брахми в принципе кажется вполне возможным, поскольку цифры могут сохраняться даже при изменении системы письма, могут заимствоваться друг у друга народами, обладающими разной письменностью, и т. д. Много ценной информации может быть получено в результате дальнейшего формального анализа протоиндийских текстов, всестороннего изучения их лексического состава. После того как в итоге всей этой работы содержание надписей будет установлено более точно, было бы целесообразно, по нашему мнению, провести сопоставительный морфемный анализ текстов из Мохенджо-Даро и Хараппы с текстами на дравидийских языках. Дравидийский материал мог бы быть представлен лучше всего выборкой из ранних средневековых надписей на языках тамильском, телугу и каннада (V—X вв.).

В истории изучения протоиндийской письменности, в истории изучения всей культуры долины Инда исследование ленинградских и московских ученых — математиков, лингвистов, этнографов — знаменует начало нового, существенно важного этапа. Прежде всего, это исследование впервые открывает реальную возможность дешифровки протоиндийского письма. Нет необходимости говорить о том, какое значение эта дешифровка имела бы для мировой науки. Следует только еще раз подчеркнуть, что результаты, достигнутые уже в начале исследования, проливают новый свет на историю народов Индии и индийской культуры.

Н. В. Гуров, Т. Е. Катенина

⁴⁰ См. G. Bühler, *On the origin of the Indian Brāhmi alphabet*, Strassburg, 1898, pl. III. Нуль был введен в индийскую цифровую систему лишь около IV в. н. э. До этого времени для каждого десятка и для числа «сто» имелось особое цифровое обозначение.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

The Anthropologist Looks at Myth. Compiled by Melville Jacobs. Edited by John Greenway. Published for the American Folklore Society by the University of Texas Press, Austin—London, 1966 (статьи W. A. Lessa, D. R. Sceels, D. V. Hart и H. C. Hart, J. L. Fischer, W. La. Barre, G. R. Horner, K. Luomala, R. M. Berndt, C. H. Berndt, R. F. Spencer).

Рецензируемый труд представляет собой сборник статей на фольклорные темы ряда известных современных этнографов («антропологов» или «этнологов» по принятой в англо-американской науке терминологии), в основном американских (исключение — австралийские ученые — супруги Берндт). Составитель книги Мелвилл Джейкобс¹, опубликовавший семь лет назад очень интересную монографию о стилистических моделях в фольклоре североамериканских индейцев, и большинство авторов, например, Катарина Луомала², Уильям Лесса³, сделавшие много для сравнительного изучения океанийского фольклора, и другие являются выдающимися знатоками именно в области фольклора.

¹ M. Jacobs, *The Content and Style of an Oral Literature. Clackamas Chinook Myths and Tales*, Chicago, 1959.

² K. Luomala, *Maui of a Thousand Tricks*, 1949 и др. работы по фольклору Океании.

³ W. A. Lessa, *Tales of Ulithi Atoll*, 1961.